

*Одна
книга -
Две
Рифмованные
прозы*

Город который
шепчет

Как я пытался
быть взрослым

Владимир Бейнерт

**Сборник проз "Город
который шепчет", "Как я
пытался быть взрослым"**

«Автор»

2026

Бейнерт В. В.

Сборник проз "Город который шепчет", "Как я пытался быть взрослым" / В. В. Бейнерт — «Автор», 2026

В этой книге 2 рифмованные прозы: “Город, который шепчет” и “Как я пытался быть взрослым”. Их я написал будто в каком-то трансе, каждая буква вырываясь из души и сердца, собирались в слова, слова в строки... а строки в рифмы. Две истории, которые похожи друг на друга, но такие разные. Они рассказывают о человеке, музыканте, который живёт свою жизнь, по своему насыщенную и яркую.

© Бейнерт В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Аннотация	5
«Город, который шепчет»	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сборник проз "Город который шепчет", "Как я пытался быть взрослым"

Аннотация

Аннотация:

Одна книга Две рифмованные прозы :

"Как я пытался быть взрослым"

"Город который шепчет"

в этой книге 2 рифмованные прозы: "Город который шепчет" и

"Как я пытался быть взрослым"

Их я написал будто в каком то трансе, каждая буква вырываясь из души и сердца собирались в слова, слова в строки.... а строки в рифмы. Две истории которые похожи друг на друга но такие разные.

Они рассказывают о человеке, музыкант который живёт свою жизнь по своей насыщенной и яркую.

Проза 1

«Город, который шепчет»

Магазин «у дома» и музыка из чужих пакетов
Лавочка как редакция новостей
Дрель как форма общения
Перемирие и пирожки
Шанс, который звонит не вовремя
Двор выходит в эфир
Тишина после аплодисментов
«Город, который шепчет»

. Письмо в кармане (фрагмент)

Я вернулся не в город – в его привычку,
в круговорот витрин, в листву на перекличку,
в гранит, что помнит каблуки и бег,
в трамвайный звон, как маленький оберег.

Чемодан тянул ладонь, как упрямый довод,
а небо было серым – без запятых, без поводов.
Вокзал дышал теплом чужих пальто,
и каждый взгляд скользил – «не то, не то, не то».

Я шёл, где раньше шёл, и это было странно:
улицы – как строки, но смысл у них туманный.
Они, казалось, знали, кто я и зачем,
и прятали ответы – в рекламе, в шуме, в тем.

Снег не падал – он висел, как недосказанность,
как мелкая вина, как поздняя обязанность.
Фонарь мигнул – и в этот краткий миг
мне почудилось: город – живой дневник.

В кармане куртки – то, чего не ждал:
конверт без марки, словно кто-то знал
мой новый адрес – точный до плеча,
до нитки на манжете, до ключа.

Я вынул письмо: бумага – не белела,
а будто старилась, как фотография, несмело.
На обороте – точка. Просто знак.
Как будто «начинай». Как будто «ты – дурак».

Я оглянулся: люди, люди, люди —
в своих заботах, в собственном простуде.
Никто не ждал меня, не звал, не вёл,
лишь ветер у ступеней ластился, как шёлк.

Я мог бы рассмеяться: «письма? в двадцать...»
Но пальцы дрогнули – и трудно оторваться.
Бумага хранила сухое тепло,
как если б её держали – давно и зло.

Я не открыл. Я шёл. И город делал вид,
что он – просто город, просто камень, просто быт.
Но в этом «просто» было слишком много сцепок:
как будто кто-то склеил мне обратно слепок —

мою же жизнь, где всё должно случиться снова,
где каждое «потом» уже заранее готово.
Я шёл к дому, что помнил мой подъезд,
где лифт ворчал, как старый, верный пес.

Подъезд пах краской, кошкой, мокрым деревом,
пах памятью, которая всегда уверена.
Ступени – как подсчёт: раз-два-три-четыре,
и сердце повторяло им: «в квартире, в мире?»

Дверь – знакомая. Замок – упрям и строг.
Я провернул ключи, как перевёл итог.
Внутри – тишина, обои, пыльный свет,
и маленький сквозняк, как чей-то «привет».

Я поставил чемодан. Снял куртку. Сел.
И понял: я устал не телом – цел.
Устал объясняться с прошлым на бегу,
устал держать себя «в уме», «в долгу», «в снегу».

Конверт лежал на столе – как хрупкий нож.
Вещь без голоса, но режет – если трожь.
Я взял его и вскрыл – без драм, без поз,
как вскрывают правду: медленно, всерьёз.

Внутри – листок. Чернила – будто чуть живые.
И строчки – ровные, но как чужие:

«Не ищи меня в людях. Я – между.
Я – пауза в словах и сквозняк по подъезду.
Ты вернулся – и это не случай.
Город помнит тебя. И он тебя учит.

Сегодня – не уходи по привычным дорогам.
Сверни там, где киоск, где фонарь кривобокий.
Услышишь, как камень зовёт по имени —
не бойся. Ты сам это выдумал... или не ими ли?

Если встретишь старика с пустой тетрадью —

не задавай вопросов: он сам тебя гладит
по мысли, по времени, по вине.
И не говори: «это всё обо мне».

Скажи: «я готов». И тогда, может быть,
я смогу наконец – перестать тебя ждать».

Подписи не было. Только снова – точка.
Как пуля без ствола. Как ночь без строчки.
Я перечёл. Ещё. И снова – тишина,
и тишина была – как третья сторона.

Я встал. Подошёл к окну. Внизу текли огни,
как будто город ночью чинит свои дни.
Там, у киоска, где фонарь кривился на ветру,
мне вдруг представилось: я вправду поверну.

И это было страшно не тем, что впереди,
а тем, что где-то глубже – согласие сидит.
Не вера. Не надежда. Не азарт.
А тихий внутренний: «ну что ж... давай, старт».

Я не герой. Я просто не умею
жить так, как будто тайны – не болят.
Когда тебе шепнули, что ты – часть маршрута,
ты либо глохнешь сам, либо слушаешь смутно.

Я надел куртку снова. Взял ключи.
И свет в прихожей – будто стал свечой в ночи.
Я вышел, притворил. И лестница вздохнула,
как женщина, которая меня вернула.

На улице фонарь мигнул – уже знакомо.
А снег всё не падал. Он просто был – как слово,
которое вот-вот сорвётся с губ,
и ты не знаешь: «люб»... или «груб».

Я пошёл к киоску. Не быстро. Не смело.
Но так, как будто это – моё дело.
И город, не меняясь ни лицом, ни цветом,
похоже, улыбался – отсутствующим светом.

«Соседи и чайник»

Глава 1. Подъезд, который помнит

Я вышел из метро – и будто из рассказа,
где автор перегнул, но держит стиль и фразу.
В руках пакет простой, в душе режим «домой»,

и ветер по лицу прошёлся, как конвой.
Родной мой переулок – без пафоса и славы,
зато тут все живут, как будто пишут главы:
вон дворник тётю Зину зовёт: «не тормози»,
а та ему кивает: «сам-то не скользи!»
Иду, а в голове – покупки и задачи:
хлеб, молоко, носки, и чтобы было «сдачи».
И вдруг я понимаю (вот фокус, вот капкан):
мой дом стоит как жил, но смотрит как тиран.
Подъезд мой – не подъезд, а орган местной власти:
в нём пахнет кошкой, пылью и попыткой счастья.
Дверь хлопнула на входе – «ты кто такой вообще?»
Как будто я не жил тут, а числился в плаще.
Внутри висит объявка: «Не мусорить! Стыдно!»
Её читаю каждый день – но всё равно обидно.
Ни подписи, ни даты – как древний манускрипт,
и смысл в ней человеческий, но строгий, как лифт.
А лифт у нас – легенда, каприз и драматург:
то едет, то не едет, то вздумал сделать круг.
На кнопке «пятый» вмятина – народный наш рельеф,
как будто кто-то бился за этаж, как за успех.
Я жму – он отвечает не звоном, а молчаньем,
таким, что хочешь сразу заняться самопознанием.
Стою, считаю плитки, как будто я в суде,
и слышу: кто-то топает – по лестнице, в беде.
Сверху, как по сценарию, спускается соседка,
тётя Люда – как радио, но в кофте и жилетке.
Она меня заметила (я был обречён),
улыбка у неё – как участковый звон.
– Ой, здравствуй, – говорит, – ты где пропал, родной?
Мы думали, ты съехал, ты что, живой-неживой?
А лифт опять капризный, а ЖЭК опять не смог,
а кошка у Маринки родила, прости господь.
Я киваю очень мудро, как будто так и надо,
как будто вся вселенная – её докладная рада.
И думаю: вот счастье – тебя тут помнят все,
ты только дверь открой – и ты уже в прессе.
– Да я в делах, – отвечаю, – работа, суета.
Она мне: – Суета-то суетой, но красота
в том, чтоб не забываться: квартплата, свет, вода,
а то потом начислят, и будет – «ой, беда».
Я улыбаюсь тихо: тётя Люда – как закон,
в ней доброта и строгость, и вечный микрофон.
Она живёт с уверенностью: мир спасёт учёт,
а кто не сдал показания – того спасёт «почёт».
Лифт кашлянул внезапно – и двери разошлись,
как будто он подслушал и решил: «ладно уж, садись».
Мы едем, и тётя Люда, как опытный боец,
ведёт со мной беседу про «вот сосед – подлец».

– С четвёртого, – шепнула, – опять курил в окно,
а дым идёт ко мне, а мне оно – вредно.
Я говорю: – Понял, – и делаю лицо,
как будто я комиссия и мне не всё равно.
На третьем этаже лифт дёрнулся и сел,
как будто он устал и дальше не хотел.
Дверь открылась – и вышел дядя Витя, наш философ,
в руках его пакеты и вечный ряд вопросов.
– О, – говорит, – привет, – и смотрит мне в глаза,
как будто я ответчик, а он – моя гроза.
– Ты знаешь, в магазине опять подняли сыр...
Я говорю: – Держись, – как будто это фронт и мир.
Тётя Люда возмутилась: – Да что за беспредел!
И лифт, как соглашаясь, ещё раз скрипнул в дел.
Мы доезжаем к моему – и я почти герой:
пережил этажи, как сериал живой.
Ключи мои звенели, как мелочь для судьбы,
замок сопротивлялся – по старой той привычке.
Я дверь открыл – и сразу, как в чистый разговор,
влетел домашний воздух: уютный, без укоров.
На кухне чайник ждал меня – пузатый генерал,
я как-то с ним сроднился: он много повидал.
Я ставлю воду греться – обычный ритуал,
и чайник, не дождавшись, уже почти кричал.
Он свистнул так задорно, как будто это песня,
что жизнь вообще не страшная, а просто интересней.
И я подумал: «ладно, всё будет хорошо:
подъезд – он как семья, но с лифтом на шантажом».
Я сел, налил себе чай, и в кружке – светлый пар,
и день не стал великим, но стал чуть-чуть «навар».
Ирония простая: я взрослый человек,
а радуюсь, что дома мой чайник – не побег.
И если завтра снова подъезд меня «допросит»,
я выдержу спокойно – пусть спрашивает, просит.
Ведь в этом есть смешное и тёплое кино:
меня встречает дом – и значит, не одно.

Глава 2. Магазин у дома и сдача как мораль
(ироничная светлая рифмованная проза, 1-е лицо)
Мне тридцать – возраст тонкий: ещё не «ой, спина»,
но уже ясно точно: не вечная весна.
Я музыкант по жизни – то свадьбы, то бардак,
то в баре «на три песни», то «в студию – в пятак».
Омск дышит по-особому: то дымкой, то снежком,
то ветром, что умеет разговаривать молчком.
И я живу, как нота в тетрадке на столе:
то ровно, то с ошибкой, зато навеселе.
На кухне чайник пел мне, как будто дирижёр,
я выпил чай, собрался – и вышел во двор.

Надел наушники, но музыку не включил:
Омск сам звучит достойно, кто б что ни сочинил.
Мне надо в магазинчик – «у дома», «по пути»,
где можно хлеб и сыр, и что-нибудь «к чаю» найти.
Иду – и вспоминаю вчерашний мой концерт:
я пел, а микрофон был, как вредный интеллект.
Он то ловил дыханье, то глох, как старый кот,
и звукорежиссёр мне кивал: «сейчас пройдёт».
Я видел этот кивок – он вечно в арсенале:
им лечат все проблемы, чтоб их не признавали.
У входа в магазин уже стоит народ,
как будто там раздают не молоко – оплот.
Одна бабушка сказала: «сынوك, не лезь вперёд»,
и я не лез, конечно: я всё-таки не тот.
Внутри тепло и тесно, и свет слегка желтит,
а касса, как арена, где каждый победит.
Там пахнет апельсином, пакетом и тоской,
и даже шоколадом – но тоже городской.
Я взял батон (классический, чтоб крошки – на века),
сырок (на «быстро счастье»), и гречку «на пока».
Ещё печенье взял – чтоб вечером в тиши
попробовать не думать, а просто жить, дыши.
И тут, у стеллажей, как маленький обвал,
встречаю я соседа – дядю Витю, идеал:
он смотрит на консервы, как на судьбы людей,
и выбирает шпроты, как будто в них музей.
– Здорово, – говорю ему, – как жизнь, как интерес?
Он вздохнул, как философ, чей мир слегка исчез:
– Вот раньше были банки... теперь сплошной обман.
Я говорю: – Бывают. – Он: – Это же туман.
Мы вместе продвигаемся к кассе, как в маршрут,
где каждый пассажир уверен: «нас спасут».
Передо мной подросток держал энергетик,
на нём капюшон суровый и взгляд как «я стратег».
Кассирша (Лена, кажется – бейджик мелко врал)
сканировала быстро, как будто это бал.
И бипы аппарата – мой личный метроном:
вот бип – и жизнь считает, что я уже «пришёл».
Пробили мой батон, пробили мой сырок,
и гречка проскочила, как скромный игрок.
Печенье – бип, пакет – ещё один мотив,
и я стою на кассе, почти что коллектив.
– С вас триста... – говорит, – и сорок семь копеек.
Я полез в кошелек – там мелочь, как злодейка:
то десять, то пятак, то рубль как компромисс,
и карточка, что просит: «плати и улыбнись».
Я карточкой – привычно, как в студии дубль «раз»,
но терминал задумался, как критик на заказ.
Он крутит, крутит, крутит – и пишет мне в лицо:

«ОШИБКА. ПОВТОРИТЕ.» Ну чистое кино.
Лена вздохнула тихо, не злостью – опытом:
– Бывает... связь сегодня... – и взглядом, и шепотом.
Очередь позади зашевелилась вся,
как хор, который знает: «сейчас начнётся вся».
И дядя Витя рядом сказал мне: – Не нервничай.
Нервозность – это, знаешь, как в супе перчик лишний.
Я говорю: – Да я спокоен, как бас-гитара, —
хотя внутри уже стучала маленькая кара.
Я снова приложил – терминал опять «не то»,
как будто он услышал и сделал мне назло.
Я в третий раз – и он, подумав про мораль,
внезапно согласился: «ОДОБРЕНО». Печаль
у всех мгновенно схлынула, как снег с капота,
и очередь вздохнула: «ну слава тебе кто-то».
Я забрал свой пакет, как трофейный чемодан,
и Лена мне сказала: – Хорошего, музыкант.
Откуда она знает? Наверно, по рукам:
у музыканта пальцы живут наперекор словам.
То стёрты струной жёсткой, то в мелких синяках,
то держат мир за ритмы, а не за страх.
На выходе я понял простую вещь без фраз:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.